

«ЕВРОПЕЙСКИЙ КОРАБЛЬ» ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА: МЫСЛИ О СУДЬБЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Константин Абрекович Баршт

Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Адм. Макарова, 4.
E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru

Общественно-политические, историософские и эстетические воззрения Е. И. Замятина становятся особенно очевидными в связи с его аллегорией России как ледокола: ее исторический путь связан с особым режимом движения страны в истории. В качестве исходного материала при интерпретации взглядов Замятина привлекается широкий круг текстов — от «Уездного» и «Островитян» до произведений эмигрантского периода «Бич Божий», «Беседы еретика». Замятиным наследуются эстетические принципы русской литературы XIX в., включая представление об общественной роли писателя как пророка и вестника правды. Выдвигается также версия о связи между его изгнанием из страны и ранней смертью писателя.

Ключевые слова: Е. И. Замятин, исторический путь России, европейская культура, старые и новые идеи, ледокол, еретик, эмиграция.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-3-42-55

Корабли и литература одновременно и неразделимо пребывали в жизни Замятина. И сам он чувствовал себя кораблем в океанском шторме намерений и действий окружающих людей. Ни перед кем не склоняя головы, он подставлял себя под удары судьбы, надеясь на удачу и силу духа. Пренебрежение к опасности и аристократическое презрение к пошлости помогли ему сохранять жизненную стойкость. Исчерпав ресурсы душевных сил и физического здоровья, он покинул этот свет, без сожаления проводивший в могилу одного из тех людей, ради которых существует этот мир.

Начало литературной деятельности Замятина приходится на конец 1900-х гг., когда, окончив институт и став кораблестроителем, он попробовал силы в литературе и революционной деятельности. Революция казалась тогда, по его словам, «юной, огнеглазой любовницей» (Замятин, 2004б: 39). Первый арест состоялся в 1905 г., в 1911 г. Замятин был выслан в Лахту, где написал первое крупное произведение (до этого момента состоялись публикации дебютных рассказов «Один»

и «Девушка») — «Уездное». Не изменяя революционно-социалистическим воззрениям, еще до почетной командировки в Англию, он написал очерк «Три дня» о бунте на броненосце «Потемкин» (1913), затем повесть «На куличках» (1914), где в весьма отталкивающем виде представил жизнь военного подразделения российской армии. За публикацией последовала конфискация номера журнала «Заветы» с текстом повести и суд над редакцией и автором, в результате сосланным в Кемь. Что не помешало ему затем, в марте 1916 г., отправиться в Англию для участия в постройке ледокола «Святой Александр Невский», впоследствии переименованного в «Ленин». Командировка в Англию оказалась для Замятина возможностью выехать из «лопухов и малинников Лебедяни — к грохочущим докам Нью-Кастла» (Михайлов, 1990). События на родине заставили его в сентябре 1917 г. вернуться домой, и он активно подключился к ряду литературных проектов М. Горького, затеял журнал «Современный Запад», выходивший в 1922–1924 гг. С Замятиным сотрудничали А. Н. Тихонов (Серебров) и К. И. Чуковский; согласно редакционному объявлению, целью журнала было «дать русскому читателю по возможности полную и строго объективную картину умственной и художественной жизни современной Европы» (Замятин, 2010б: 403). В первые послереволюционные годы им было написано немало блестящих произведений, включая роман «Мы» (1920), в котором советская цензура усмотрела издевательство над идеей строительства коммунизма.

Как и многие другие русские интеллигенты, подобно В. В. Маяковскому, А. А. Блоку, А. П. Платонову и др., Замятин приветствовал революцию, надеясь на освобождение от мертвящих пут казенно-бюрократического аппарата Российской империи. Однако вскоре он ощутил, что на народе затягивается удавка значительно страшнее той, освобождению от которой все в это время радовались. В 1920-е гг. Замятин видел литературно-эстетическое сближение России с Западом, приветствовал его, называя А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга, Л. М. Леонова, «серапионовых братьев» В. А. Каверина, Л. Н. Лунца первыми представителями русской литературы, преодолевшими «сюжетную анемию» (Замятин, 2004: 139). Полностью поглощенный вопросами литературной формы, воспринимая совершившийся политический переворот как «свой», Замятин был удивлен жесткой реакцией новых критиков на свои произведения.

В марте 1919 г. вместе с другими представителями творческой интеллигенции он был арестован по делу левых эсеров и подозрению в причастности к рабочим волнениям в Петрограде, следующий арест состоялся в 1922 г. Обсуждение вопроса о высылке Замятина из страны среди других деятелей культуры кончилось отменой этого решения.

Пятый год после Октябрьского переворота — последний, когда еще сохранялись какие-то остатки возможностей легального противостояния действующей

власти. Именно на это время приходится резкая активизация правительственной реакции, направленной против всех независимо мыслящих людей, включая деятелей науки и культуры, что привело к интеллектуальному обескровливанию страны. Замятин решил остаться, так как верил, что это болезнь роста, которая со временем пройдет. Девятого сентября 1922 г. его освободили под подписку о невыезде. В глазах действующей власти он «скрытый, заядлый белогвардеец», который «выступает в своих произведениях против Сов<етской> Власти» (Файман, 1997: 85).

Публикации романа «Мы» на английском (1924), чешском (1927), французском (1929) языках превратили Замятина во «внутреннего эмигранта», как назвал его Л. Д. Троцкий, определив его произведения как «внеоктябрьские»: «автор сам островной человек, и при том с маленького островка, куда он эмигрировал из нынешней России. И пишет ли Замятин о русских в Лондоне или об англичанах в Петрограде, сам он остается несомненным внутренним эмигрантом» (Троцкий, 1922: 2–3). Натолкнувшись на цензурный запрет, Замятин вплоть до ареста 17 августа 1922 г. читал роман в Петроградском институте истории искусств, на других литературных вечерах в Петрограде и Москве.

С 1929 г. Замятина перестали печатать. Подобно М. А. Булгакову, он видел свои пьесы вычеркнутыми из репертуаров театров. 24 сентября 1929 г. Замятин заявил о выходе из Всероссийского союза писателей. Находясь на грани нищеты, в июне 1931 г. он написал письмо И. В. Сталину с просьбой отпустить его за границу, с сарказмом указывая, что в «советском кодексе следующей ступенью после смертного приговора является выселение преступника из пределов страны» (Замятин, 2003г: 553).

В конце года Замятин покинул СССР и направился в Прагу, где был встречен на самом высоком правительственном уровне. Исключительно тепло его приняла общественность, эмигрантская русская и чешская, его визит широко освещался в печати (Желтова, 2019). Четвертого января 1932 г. в Пражском Граде писателя принял президент страны Т. Г. Масарик, который, надо отметить, не принимал ранее бывших в городе Маяковского и Горького. Полной информации о содержании бесед Масарика и Замятина нет, однако президент Чехословацкой Республики запомнил слова русского писателя: «Вошь трактором не задавишь» (Ludvig, 1946: 201). Отношение Замятина к Чехии можно охарактеризовать как исключительно благожелательное. В интервью он высоко оценивал общественность страны, ее готовность принять изгнанников из России, утверждал, что «между культурой русской и чешской течет такая маленькая речка, что нет потребности между ними возводить мост» (Желтова, 2019: 45), пытался овладеть чешским языком. Позже Замятин сожалел, что покинул Прагу, повинувшись ранее выработанному плану. Двадцать первого января 1932 г. он писал из Берлина, что

в Праге меньше скучал по России, чем в Германии, «ведь в Праге были близкие люди, вроде единственных и замечательных Постниковых, было много русской речи, русского гостеприимства» (Янгиров, 1996: 498–499). Живя во Франции, он мечтал разбогатеть и приехать обратно в Прагу. Именно в период пребывания в Чехословакии Замятин принял окончательное решение не возвращаться в Советский Союз.

Однако изгнанник Замятин сознательно отказался от роли эмигранта: все семь лет пребывания за рубежом он считал себя гражданином СССР, сохранял советский паспорт, высылал деньги для оплаты квартиры в Ленинграде, пытался помогать друзьям, Булгакову и А. А. Ахматовой. Н. Н. Берберова вспоминает: «Он ни с кем не znalся, не считал себя эмигрантом и жил в надежде при первой возможности вернуться домой» (Берберова, 1983: 170). В 1935 г. в качестве члена советской делегации принял участие в парижском Международном конгрессе писателей.

Замятин уехал по той же причине, по какой ушел во внутреннюю эмиграцию Платонов, застрелился Маяковский: из-за физической несовместимости с тоталитарным режимом, лишаящим любого творческого человека нормальных условий для работы.

Идут споры, много ли и хорошо ли работал во Франции Замятин, «вторичны» ли его произведения или в действительности являются расцветом его творчества. Сам он, подобно А. И. Куприну, считал животворной связь с родной страной. В «Автобиографии» он заметил: «Думаю, что, если бы в 1917 г. не вернулся из Англии, если бы все эти годы не прожил вместе с Россией — больше не мог бы писать» (Замятин, 2003а: 28). Во Франции им была поставлена пьеса «Блоха» на французском языке (1933), однако критики «не смогли (или не захотели) понять суть пьесы, ее гротеск показался им тяжелым, пародийные акценты — невнятными, сюжетная стилизация — загадочной» (Геллер, 1997: 182). Далее последовала экранизация пьесы Горького «На дне», намерение снимать новый фильм в Голливуде.

Однако конфликт русской и западноевропейской литературной традиции с каждым новым произведением лишь нарастал. Во-первых, Замятин работал для западноевропейской публики, в отличие от многих эмигрантских писателей, адресовавших созданное «своим». В его судьбе русское представление о писателе как «учителе жизни», философе и пророке столкнулось с недопониманием со стороны читательской среды, ориентированной на иное понимание роли литературы в жизни общества. Запад не видел в Замятине того, чем сам он хотел бы быть в глазах мировой общественности, а на роль более или менее удачливого беллетриста он сам согласен не был.

Во-вторых, политические взгляды Замятина, отвращение к авторитарному способу правления сочетались в нем с неистощимым сарказмом относительно

западноевропейского обывателя, высокий уровень образованности и формальной культуры которого лишь усугубляли язвительность его иронии. «Островитяне» (1917), «Ловец человеков» (1921) представляют собой жесткие памфлеты на уклад западной цивилизации, ориентированной на культ тела и материальных благ с забвением иных ипостасей существа человека: «Испания — единственная страна в Европе, где пекутся не о телах, но о душах» (Замятин, 2004г: 243). Критика Замятиным Западной Европы шла «изнутри», со стороны «своего» — интернационалиста и одновременно «европейского русского», как сказал бы Ф. М. Достоевский, влюбленного в свою страну.

Для Замятина как русского писателя была невыносима ложь в любом виде и особенно — в общественной жизни. В «Островитянах» бичеванию подвергся общепринятый «юридический принцип жизни», в согласии с которым правдой является все, о чем не доказано обратное. Герой рассуждает о том, что и животные, и дикие островитяне говорят только правду, а ложь начинается, где возникает европейская цивилизация. Замятин без сожаления бичует «настоящее зверство так называемых просвещенных европейцев», которые, согласно известию, полученному от Б. А. Пильняка, изгоняют своих матросов из кубрика «спать в трюм» (Замятин, 2003в: 513).

Замятин видел, что сам по себе технический прогресс в отрыве от нравственного, духовного развития не только не способствует улучшению человечества, но может привести его к гибели или деградации. Попытки подчинить всю жизнь человека жесткому расписанию Замятин увидел в Англии. В первом приближении отношение писателя к этому процессу выражено в образе «механического» vicar Дьюли («Островитяне»), затем — на уровне общественно-государственного устройства — в романе «Мы». Мишенью Замятина во всех случаях была попытка лишить человека свободы выбора, что ему делать, во что верить, где жить. Во всех возможных вариантах — от «ловли любовников в парках» до ловли и умерщвления неправильно думающего гражданина. Речь идет о протесте против «машинного рая» вообще, во всех вариантах и формах, а острая реакция советской системы на роман «Мы» оказалась построена по известной модели «на воре шапка горит». В пафосе борьбы за свободу и достоинство человека Замятин не щадил ни Россию, ни Европу: он с негодованием описывал жестокие гонения, обрушившиеся на студента Тюбингенского университета Роберта Майера, члена студенческого кружка «Вестфалия», «недозволенного сообщества», который с помощью голодовки добился освобождения, но был отчислен из университета (Замятин, 2003е: 440). С другой стороны, Замятин знал в Европе людей, обеспечивавших европейской цивилизации высокий статус, ставший своего рода культурным маяком для многих стран и народов. В частности, таковыми в его глазах были Г. Уэллс и А. Франс. Все произведения Замятина, идет ли речь

о Западной Европе или о России, проникнуты болью за поправное человеческое достоинство. Парадокс заключается в том, что его сочинения, включая роман «Мы», не были направлены против Советской России, которая тем не менее подвергла его репрессиям. А принял его и дал место для жизни и творчества Запад, являвшийся настоящей мишенью сатиры Замятина.

У Замятина не было кумиров — ни в своей стране, ни в чужих. Он шутил по поводу «европеизации» русской глубинки в «Севере», над призывом «жить согласно западноевропейским народам» (Замятин, 2003б: 507). Метафорически обозначая в очерке «Новая русская проза» кнут как традиционное русское оружие, причем и в полемическом смысле тоже (Замятин, 2004в: 136), он вознес хвалу Эренбургу за роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито» и эстетический принцип иронии, уподобленной шпаге и противопоставленной кнуту: русская литература, которая «за последние десятилетия специализировалась на дураках, идиотах, тупицах, блаженных» (Замятин, 2004в: 136), в лице Эренбурга получила писателя, который сумел с помощью изысканной и точной иронии нанизать на шпагу мифы и обветшалые ментальные клише в области культуры, политики, искусства.

Выпад в адрес Достоевского и его романа «Идиот» указывает на отрицание Замятиным традиционной для классической русской литературы сюжетики, его стремление к созданию позитивного эстетического явления, основанного на реальных жизненных ценностях современного человека, в России и в Западной Европе. Не веря в «теорию отражения», он считал, что сюжетика русской литературы выражает коренные особенности русского национального мышления.

Страдая от невозможности вернуться домой, он записывает в тетради: «Сюжет: Эмигрант-еврей, которого всю семью убили во время погрома, все-таки тоскует по России» (Замятин, 2011: 30). И это несмотря на общеисторический вывод писателя, что русская власть зиждется на дуре Екимовне из «Арапа Петра Великого», чей уровень образованности не простирается дальше «мусье-мамзель-ассамблея-пардон»: «Неудержимо, невольно, как железо к Магнит-Горе, притягивается этот образ к победоносцам нашим» (Замятин, 2010д: 289). Продолжение темы, начатой в очерке «Скифы ли?», — в «Биче Божьем»: согласно представлениям западноевропейцев, русские «живут совсем по-другому, чем все здесь в Европе <...> у них зимою все белое от снега <...> они ходят в шубах из овчины <...> они убивают у себя на улицах волков — и сами как волки» (Замятин, 2003д: 371). Свойственное западноевропейской общественной мысли примитивное и недостаточное понимание России, отмеченное еще Н. М. Карамзиным и П. Я. Чаадаевым, подтверждается Замятиным в иронической заметке об одной публикации парижской газеты «Новые мысли». Порадовавшись, что газета не нарушает своих «торговых условий» и не причиняет читателям беспокойства,

равно как не заставляет их выполнять излишнюю умственную работу, автор комментирует опубликованную карту Европы, где все конституционные страны, в том числе и Россия, покрыты одним цветом. «Итак, дорогие читатели, порадуйтесь после обеда: все обстоит благополучно, у нас в России — конституция и свобода. А если и неладно у вас что — стоит только перевернуть страницу, и вы узнаете, где приобрести при посредстве почтенной редакции по дешевой цене амриты и валидоры...» (Замятин, 2010а: 272–273). Писателя что в России, что в Европе занимало противоречие между отвратительной властью и талантливым народом, от этой власти страдающим.

В опубликованном на французском языке очерке «О моих женах, о ледоколах и о России» (1933) Замятин дал исчерпывающий анализ черт сходства и различия между русским и западноевропейским маршрутами в истории и особенностей мировосприятия народов. Как кораблестроитель он рассматривал исторические судьбы через образ корабля, используя метафорическую антиномию «ледокол / обычный корабль, предназначенный для плавания в теплых водах». Эссе представляет собой своего рода самоотчет Замятина как русского человека, крепко связанного с родиной культурными корнями и насильно оторванного от нее. Исторический путь России сравнивается в том, как проходят свой маршрут европейские страны. Для Замятина сопоставление страны с личностью — обычное дело, он не раз прибегал к такому приему. Запад он метафоризировал как легко плывущие по морю каравеллы, разумеется, преодолевающие штормы и прочие невзгоды, но ничем не стесненные снаружи. Ледоколом, с трудом пробивающим путь во тьме, холоде и одиночестве, виделась ему Россия, закованная в ледяные кандалы: кажется, при движении ей приходится разбивать оковы.

«Россия движется вперед странным, трудным путем, непохожим на движение других стран, ее путь — неровный, судорожный, она взбирается вверх — и сейчас же проваливается вниз, кругом стоит грохот и треск, она движется, разрушая.

И так же ход ледокола непохож на движение приличного европейского корабля. Я даже не уверен, можно ли ледокол назвать кораблем? Корабль, как всем известно, существо морское, он идет только по воде, а ледокол — это амфибия, половину своего пути он делает по суше. По суше?! Да, по суше, потому что лед — конечно, суша». (Замятин, 2010в: 348)

Метафору ледокола Замятин перенес из области политической истории в культурологическую:

«Ледокол — такая же специфическая русская вещь, как и самовар. Ни одна европейская страна не строит для себя таких ледоколов, ни одной европейской стране

они не нужны: всюду моря свободны, только в России они закованы льдом, беспощадной зимой — и чтобы не быть тогда отрезанными от мира, приходится разбивать эти оковы» (Там же).

Замятин фактически продолжает мысль Чаадаева о «стране-изгое», которой постоянно нужно преодолевать добавочные трудности, без конца сдавать какие-то экзамены, кому-то что-то доказывать. Автор намекает на угрозу информационной и идеологической блокады, а также наводит на мысль о состоянии русского человека, который все это видит и понимает, однако остается на «ледоколе», вокруг которого только безжизненные льды.

От культурологического и общественно-политического аспектов Замятин переходит к вопросу о русской ментальности. Преодоление ледяного плена он показывает как своего рода национальную традицию и делает вывод о невероятной выносливости русского человека, его готовности к любым испытаниям, огромной моральной силе. На этом основан исторический оптимизм писателя, его вера в возможности найти выход из блокады «льдов»:

«Русскому человеку нужны были, должно быть, особенно крепкие ребра и особенно толстая кожа, чтобы не быть раздавленным тяжестью того небывалого груза, который история бросила на его плечи. И особенно крепкие ребра — “шпангоуты”, особенно толстая стальная кожа, двойные борта, двойное дно — нужны ледоколу, чтобы выдержать единоборство со льдом, чтобы не быть раздавленным сжавшими его в своих тисках ледяными полями. Но одной пассивной прочности для этого все же еще было бы мало: нужна особая хитрая увертливость, похожая на русскую “смекалку”.

Как Иванушка-дурачок в русских сказках, ледокол только притворяется неуклюжим, а если вы вытащите его из воды, если вы посмотрите на него в доке — вы увидите, что очертания его стального тела круглее, женственнее, чем у многих других кораблей. В поперечном разрезе ледокол похож на яйцо — и раздавить его так же невозможно, как яйцо рукой. Он переносит такие удары, он целым и только чуть помятым выходит из таких переделок, какие пустили бы ко дну всякий другой, более избалованный, более красиво одетый, более европейский корабль» (Там же: 352).

Обратим внимание на слово «более»: оно указывает на вектор мысли Замятина — к европейской цивилизации, пусть отягощенной балластом закоснелого мещанства, столь ненавистного писателю. Размышляя о том, откуда у Петра I взялась страсть к преобразованию России в «более» европейское государство, Замятин вспоминает о визитах будущего государя в Кукуй, на «европейский остров» в теле все еще восточно-деспотической Москвы, о том, как он снаря-

жал свое потешное, но обученное по европейским правилам войско на борьбу за власть с царевной Софьей, считая это началом пути страны «от Азии к Европе, куда ведет корабль России ее неистовый рулевой — Петр» (Замятин, 2010г: 364).

Продолжая замятинскую антитезу «корабля» и «ледокола», заметим, что привыкший ко льдам тяжелый ледокол в теплых широтах выглядит неуклюжим и никчемным, вызывая снисходительную улыбку эстета, привыкшего к судам со стремительными обводами. Однако мода на «скифскую» Русь в Европе уже начала проходить, и потому ни объяснения Замятина, адресованные французам, ни роман «Бич Божий», где та же мысль положена в основу сюжета, успеха не имели.

Живой интерес к Советской России, имевший место в 1920-е гг., сменился неприязнью в 1930-е, когда до Европы начали доходить сведения об ужасах коллективизации и политических репрессиях. Практическое осуществление в Советском Союзе того, чем ужаснул мир Замятин в романе «Мы», подорвало интерес к творчеству писателя. Сбывшееся пророчество перестало быть интересным.

В настоящем сближении России и Европы Замятин видел перспективу развития обоих регионов. В глубине души автора антиутопии «Мы» жила мечта о Едином Земном Государстве. Он жаждал обнаружить его зародыш в настоящем, сравнивал между собой выдающихся писателей разных культурных ареалов, пытался навести мосты между гениями западноевропейской и русской мысли, каковыми признавал А. Франса и Л. Толстого: «от этих двух высоких имен ложатся тени на все, что внизу, под ними: от Толстого — абсолют, пафос, вера <...>; от Франса — релятивизм, ирония, скепсис» (Замятин, 2004а: 73).

«Бич Божий» был задуман как попытка связать две культуры нитью общей истории. Начало темы возникает в пьесе «Аттила», запрещенной в СССР. О ней писатель говорил в интервью чешскому журналисту в 1931 г., что это его первое произведение, написанное без иронии, даже с некоторым пафосом и с огромным интересом к давней эпохе, в которой он усмотрел параллели с текущей исторической ситуацией (Желтова, 2019: 50). Известный чешский литературовед, профессор Карлова университета Н. Ф. Мельникова-Папоушкова считает, что в образе Атиллы Замятин криптографически отобразил собственный характер: «Сочетая в себе европейца и настоящего русского, он стал размышлять о противопоставлении Европы и России. Оба качества привели его к <...> Атилле, который после своих поисков есть не кто иной, как славянский князь, который пришел со своими народами на Запад. <...> Аналогия наших времен и эпох, миграция народов, столкновения двух миров и двух культур, дала Замятину импульс...» (Полякова, Желтова (ред.), 2019: 51).

Эту границу или, лучше, точку контакта двух культур Замятин сделал основой своего видения реальности. Так, Москву он описывал как странный город, не похожий на столицы Европы, однако содержащий в себе образ Америки, прорастающий сквозь кремлевские стены. На одной и той же Красной площади со-

седствуют пышный и по-азиатски пестрый собор Василия Блаженного и мавзолеев с его геометризованными формами. Рядом едут извозчик и автомобиль, напротив витрин с деликатесами стоят очереди за хлебом. В том же ключе Лондон у него показан как целая фантастическая страна, в которой плодородная почва — асфальт, на ней растут джунгли фабричных труб, а вокруг водятся звери-автомобили.

Размышляя о романе своего любимого писателя Уэллса «Освобожденный мир», Замятин мечтал, чтобы и Европа построила свой «ледокол». Он мечтал о создании Славянской Федерации, которую защищали бы Франция и Англия. Здесь хорошо видны корни социалистических воззрений Замятина, согласующихся с утопиями Уэллса. Говоря об английском писателе, он свидетельствовал о себе, подчеркивая, что самая главная и неприкосновенная ценность — это человеческая жизнь, и самое страшное — ненависть людей друг к другу. Здесь проступает контур той «интеллигентской веры», с которой жили и работали поколения русских писателей XIX в., и в этом смысле Замятин — прямой наследник ценностей, которые несли в своих произведениях Толстой и Достоевский.

Того же рода претензии у Замятина и к фарисейскому религиозному культу, который в его представлениях не имеет отношения к настоящему христианству, чуждому насилия и догматизма. Подобно Достоевскому, создавшему в «Братьях Карамазовых» жесткую отповедь версии «государственного догматического христианства», обращенного в идеологию, Замятин — враг любой идеологии, которая становится выше личной точки человека в его видении мира; писатель уходит в глубину веков, обнаруживая там основания гибели основной идеи, спасающей мир от хаоса. Стареющая и превратившаяся в догму идея опасна для человечества, показывает он. В «Огнях св. Доминика» Замятин напоминает, что идеи смертны, что они переживают те же фазы развития, что и человек — сначала героическая юность, потом закат, старость и смерть, и потому не стоит целиком и полностью отдаваться идеям. Даже молодое христианство устами Тертуллиана и Лактанция требовало отказа от навязывания религии. Основные признаки старческого окостенения идеи — вера в ее непогрешимость и страх перед свободной мыслью, что сопровождается репрессиями. Пример такого старения Замятин видел в судьбе христианства, боровшегося в Средневековье с еретиками посредством террора инквизиции. Самого себя Замятин, родись он с такими взглядами и таким уровнем личной ответственности и честности в Средние века, представлял на костре.

На протяжении жизни Замятин прилагал к событиям окружающей жизни свой эталон совести и чести и, разумеется, не устраивал окружающих, привыкших «дешево уживаться», как сказал бы Достоевский. Он ни для кого не был удобен, так как не считался с авторитетами и не пытался кому-то понравиться, отстаивая право на свободную мысль и правду, какой бы она ни была ужасной.

«Еретик» было его любимейшим словом, своего рода титулом честного человека. Еретиком и внутренним эмигрантом он был не только в России, но и в мире в целом, повторяя судьбу героя романа Достоевского «Идиот». Непримируемость ко лжи была и в его политических воззрениях, и в литературно-эстетических взглядах. В небольшом эссе «Я боюсь», написанном в 1921 г., он пророчески указал, что настоящую литературу делают не благонамеренные обыватели, «а безумцы, еретики, отшельники, мечтатели, бунтари, скептики». Благоразумный писатель не может быть хлестким сатириком, как Д. Свифт; у него не может быть такой улыбки, как у Франса; он проводит антитезу между «бронзовой» и «бумажной» литературой. Неоднократный рефрен «Я боюсь...» в этой статье повторяется по поводу воспитания читателей, идеологической косности, страха перед новизной (Замятин, 2004д: 123–124). Замятин был писателем потому, что таков был его способ утвердить себя в пространстве и времени на точке, бытийно связанной с правдой, тем самым — с Вечностью.

Помимо множества сюжетов, созданных его творческой фантазией, он породил еще один, нельзя сказать, чтобы новый, однако вечно актуальный в современной России: совестливый человек, наделенный умом и талантом, дважды выброшен из страны: первый раз — запретом на профессию, второй — физическим изгнанием. Он жестоко страдал от отсутствия возможностей сказать общественной системе, что она на самоубийственном пути. Впрочем, в романе «Мы» кое-что сказать все же удалось. И о железном занавесе, десятилетиями отгораживавшем страну от остального мира, и о прозрачности стен, обеспечивающих удобство наблюдения за поведением граждан, и о тотальной цензуре, лишаящей свободы взгляд человека на мир, и об идее государственной службы в области культуры, и о воспитании безразличного социального животного, плебса, лишённого воли к свободной мысли и должного уровня образованности, и о воцарении экономики на первом месте в обществе, когда еда и зрелища становятся государственным приоритетом. Но экономика, как доказывает история, не имеет ровно никакого значения, если гибнет культура и ее основные носители, творческая интеллигенция. И ранняя смерть Замятина чем-то напоминает смерть Блока, погибшего от собственного описания революции. Замятин был разочарован нарастающей бюрократизацией мира и пронизывающим все его существо «запахом щей», свидетельствующим, что «огнеглазая любовница» обратилась в «супругу в папильотках».

Трогательно и нежно любимый Замяτιным ледокол России в 1917 г. начал было путь к свободе, но не справился со льдами и окончательно в них увяз, а затем начал обращаться в плоскодонную баржу, управляемую рабами. Писателя ждало трагическое разочарование, подобное тому, какое пережили Маяковский, Блок, Платонов и еще сотни, тысячи представителей русской творческой интеллигенции.

Литература

- Берберова Н. Н.** (1983) Курсив мой: Автобиография. 2-е изд., испр. и доп. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Russica Publishers, Inc. 380 с.
- Желтова Н. Ю.** (2019) Творческая личность Е. И. Замятина в освещении чехословацкой прессы 1930-х годов // Творческое наследие Е. И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах. Тамбов: Принт-Сервис. С. 41–55.
- Замятин Е. И.** (2003а) Автобиография // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Уездное. М.: Русская книга, 2003. С. 21–28.
- Замятин Е. И.** (2003б) Север // Там же. С. 506–540.
- Замятин Е. И.** (2003в) Паноптикум // Там же. Т. 2. Русь. М.: Русская книга, 2003. С. 511–542.
- Замятин Е. И.** (2003г) Письмо Сталину // Там же. С. 550–554.
- Замятин Е. И.** (2003д) Бич Божий // Там же. С. 369–433.
- Замятин Е. И.** (2003е) Роберт Майер // Там же. С. 435–473.
- Замятин Е. И.** (2004а) Анатолий Франс (некролог) // Замятин Е. И. Там же. Т. 3. Лица. М.: Русская книга. С. 73–74.
- Замятин Е. И.** (2004б) Л. Андреев // Там же. С. 39–42.
- Замятин Е. И.** (2004в) Новая русская проза // Там же. С. 125–139.
- Замятин Е. И.** (2004г) Огни св. Доминика // Там же. С. 205–248.
- Замятин Е. И.** (2004д) Я боюсь // Там же. С. 120–124.
- Замятин Е. И.** (2010а) Журнал для пищеварения // Замятин Е. И. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин; Республика. С. 271–273.
- Замятин Е. И.** (2010б) Заметки из журнала «Современный Запад» // Там же. С. 403–409.
- Замятин Е. И.** (2010в) О моих женах, о ледоколах и о России // Там же. С. 348–352.
- Замятин Е. И.** (2010г) Русская литература // Там же. С. 359–372.
- Замятин Е. И.** (2010д) Скифы ли? // Там же. С. 285–294.
- Замятин Е. И.** (2011) // Собрание сочинений в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2011. 559 с.
- Геллер Л. М.** (1997) О неудобстве быть русским (эмигрантом). По поводу писем Замятина из парижского архива В. Крымова // Новое о Замятине: сб. мат-лов. М.: МИК. С. 176–202.
- Михайлов О. Н.** (1990) Гроссмейстер литературы (Евгений Замятин) // Замятин Е. И. Мь: Роман, рассказы, повесть. М.: Молодая гвардия. URL: http://www.russofile.ru/articles/article_62.php (дата обращения: 11 августа 2020).
- Полякова Л. В., Желтова Н. Ю.** (ред.) Творческое наследие Е. И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах. К 135-летию со дня рождения писателя: коллективная монография. Тамбов: Принт-Сервис. 412 с.
- Троцкий Л. Д.** (1922) Внеоктябрьская литература // Правда. 19 сентября. С. 2–3.
- Файман Г. С.** (1997) «И всадили его в темницу...». Замятин в 1919, в 1922–1924 гг. // Новое о Замятине. Сборник материалов под редакцией Леонида Геллера. М.: МИК. С. 78–88.
- Янгиров Р. С.** (1996) «Заветный» друг Евгения Замятина. Новые материалы к творческой биографии писателя // Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II. № 2. С. 478–520.
- Ludvig E.** (1946) Duch a čín. Rozmluvy s Masarykem. Praha: Čín. 237 s.

«EUROPEAN SHIP» OF YEVGENY ZAMYATIN: THOUGHTS ON THE FATE OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA

Konstantin Barsht

Doctor of Philology, professor, Senior researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS.
4 Makarov embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru

The socio-political, historiosophical and aesthetic views of E. I. Zamyatin become particularly evident with reference to his allegory of Russia as an icebreaker. Its historical path is connected with the special mode of the country's movement in history. A wide range of texts (from "Uezdnoe" and "Ostrovitiane" to works of the emigrant period — "Scourge of God", "Heretic Conversations") is used as a source material for the interpretation of Zamyatin's views. Zamyatin inherited the aesthetic principles of Russian literature of the XIX century, including the idea of the public role of the writer as a "prophet" and "messenger of truth". A theory about the connection between the writer's early death and his exile from the country also puts forward.

Keywords: E. I. Zamyatin, Russian historical path, European culture, old and new ideas, icebreaker, heretic, emigration.

References

- Berberova N. N. (1983) *Kursiv moj: Avtobiografija* [Italics Mine: Autobiography], 2nd ed., rev. and additional, 2 Vols, vol. 1, New York: Russica Publishers, Inc. (in Russian).
- Geller L. M. (1997) O neudobstve byt' russkim (jemigrantom). Po povodu pisem Zamjatina iz parizhskogo arhiva V. Krymova [About the Inconvenience of Being Russian (Emigrant). Regarding Zamyatin's Letters from V. Krymov's Archives in Paris]. *Novoe o Zamjatine: sbornik materialov*, Moscow: MIK, pp. 176–202 (in Russian).
- Fajfman G. S. (1997) "I vsadili ego v temnicu...". Zamjatin v 1919, v 1922–1924 gg. ["And They Put Him into Prison...". Zamyatin in 1919, in 1922–1924]. *Ibid.*, pp. 78–88 (in Russian).
- Jangirov R. S. (1996) "Zavetnyj" drug Evgenija Zamjatina. Novye materialy k tvorcheskoj biografii pisatelja ["Treasured" Friend of Yevgeny Zamyatin. New Materials for the Creative Biography of the Writer]. *Ezhekvartal'nik russkoj filologii i kul'tury*, 1996, vol. 2, no 2, pp. 478–520 (in Russian).
- Ludvig E. *Duch a čin. Rozmluvy s Masarykem*. Praha: Čin, 1946 (in Czech).
- Mihailov O. N. (1990) Grossmejster literatury (Evgenij Zamjatin) [Grandmaster of Literature (Evgeny Zamyatin)]. Available at: http://www.russofile.ru/articles/article_62.php (accessed 11 August 2020) (in Russian).
- Poljakova L. V., Zheltova N. Ju. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie E. I. Zamjatina v novyh nauchnyh koncepcijah i gipotezah. K 135-letiju so dnja rozhdenija pisatelja: kollektivnaja monografija*

- [E. I. Zamyatin's Creative Heritage in New Scientific Concepts and Hypotheses. To the 135th Anniversary of the Birth of the Writer: Collective Monograph], Tambov: Print-Servis (in Russian).
- Trockii L. D. (1922) Vneoktjabr'skaja literatura [Extra-October Literature]. *Pravda*, 19 September, pp. 2–3 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2003a) Avtobiografija [Autobiography]. *Sobranie sochinenij*, 5 Vols, vol. 1, Uezdnoe, Moscow: Russkaja kniga, pp. 21–28 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2003b) Sever [North]. *Ibid.*, pp. 506–540 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2003c) Panoptikum [Panopticon]. *Ibid.*, vol. 2, Rus', Moscow: Russkaja kniga, pp. 511–542 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2003d) Pis'mo Stalinu [Letter to Stalin]. *Ibid.*, pp. 550–554 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2003e) Bich Bozhij [Scourge of God]. *Ibid.*, pp. 369–433 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2003f) Robert Majer [Robert Mayer]. *Ibid.*, pp. 435–473 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2004a) Anatol' Frans (nekrolog) [Anatole France (Obituary)]. *Ibid.*, vol. 3, Lica [Faces], Moscow: Russkaja kniga, pp. 73–74 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2004b) L. Andreev [L. Andreev]. *Ibid.*, pp. 39–42 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2004c) Novaja russkaja proza [New Russian Prose]. *Ibid.*, pp. 125–139 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2004d) Ogni sv. Dominika [Lights of St. Dominica]. *Ibid.*, pp. 205–248 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2004f) Ja bojus' [I'm Afraid]. *Ibid.*, pp. 120–124 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2010a) Zhurnal dlja pishheverenija [Digestion Magazine]. *Sobranie sochinenij*, 5 Vols, vol. 4, Besedy eretika [Heretic Conversations], Moscow: Dmitrij Sechin; Respublika, pp. 271–273 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2010b) Zametki iz zhurnala "Sovremennyj Zapad" [Notes from the Magazine "Modern West"], *Ibid.*, pp. 403–409 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2010c) O moih zhenah, o ledokolah i o Rossii [About my Wives, about Icebreakers and about Russia]. *Ibid.*, pp. 348–352 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2010d) Russkaja literatura [Russian Literature]. *Ibid.*, pp. 359–372 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2010f) Skify li? [Are the Scythians?]. *Ibid.*, pp. 285–294 (in Russian).
- Zamjatin E. I. (2011) *Sobranie sochinenij*, 5 Vols, vol. 5, Trudnoe masterstvo, Moscow: Respublika, Dmitrij Sechin (in Russian).
- Zheltova N. Ju. (2019) Tvorcheskaja lichnost' E. I. Zamjatina v osveshhenii chehoslovackoj pressy 1930-h godov [The Creative Personality of E. I. Zamyatin in the Coverage of the Czechoslovak Press in the 1930s]. *The Creative Heritage of E. I. Zamyatin in New Scientific Concepts and Hypotheses*, Tambov: Print-Servis, pp. 41–55 (in Russian).